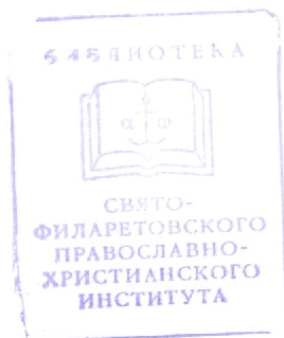

22001 / 1

75

В сборнике описан опыт православного братства «Трезвение» (далее – БТр), состоящего из членов Преображенского содружества малых православных братств. Это опыт общения с людьми, ведущими не только нетрезвый, но и нетрезвенный образ жизни. Как не раз напоминал духовный попечитель нашего братства священник Георгий Кочетков, у каждого человека есть свой коэффициент искажения реальности. Трезвенность в этом смысле просто необходима – хотя бы для того, чтобы определить границы ответственности христиан за своих близких, страдающих зависимостью от алкоголя, табака, наркотиков, компьютерных игр и т. п.

Но как христианин может трезвенно помогать зависимому, не попадая в ту же ловушку зависимости – только от другого человека? Этот вопрос обсуждался на многих общих и групповых встречах БТр, а также на встречах общин Преображенского содружества. Ссылаясь на личный опыт, братья и сестры делились своими размышлениями, рассказывали о том, как они справлялись или продолжают справляться с бедой близкого, попавшего в какую-либо зависимость, как их жизнь обретает целостность во Христе, освобождается от нетрезвенной зависимости, возникающей словно цепная реакция – в семье, на работе, во время отдыха, а иногда и в общине. Материалы этих встреч и составили основу сборника.

В издание также включены проповеди братчиков, касающиеся трезвенного отношения ко многим вопросам христианской жизни, в том числе к общению, посту, молитве, личной исповеди, и статьи о преподобномученице матери Марии (Скобцовой), посвященные опыту служения людям, в т. ч. зависимым.

Подробнее с материалами на эти темы можно ознакомиться на сайте братства «Трезвение»: <http://www.nepsis.ru>.

Содержание

I. В УЗАХ. Проповеди на собрании братства «Трезвение»	3
Пустота и пустыня преподобной Марии Египетской. Священник Георгий Кочетков Слово на вечерне в неделю пятую Великого поста 12.04.2012	4
Свидетельство через крестоношение. Дмитрий Гориславский Проповедь на утрене БТр на Евангелие от Иоанна 5.02.04.2016	7
В подлинном доверии есть радость и надежда. Светлана Борак Проповедь на утрене БТр на Евангелие от Иоанна (3:22–36) 7.05.2016	8
По лезвию трезвения. Александр Копировский Слово после утрени БТр 7.05.2016	10
II. ВЕКТОР УСИЛИЙ. Обсуждение докладов на собраниях братства «Трезвение» и в общинах Преображенского братства	12
Когда нить толще каната	13
Как трезвенно помогать друг другу	15
Без «дешевой милости»	16
Мужество меняться	17
Как общаться с пьяными родными	19
Трезвиться в отношениях с родителями – начинать с себя	22
Из личного опыта	22
Поединок с пустотой	25
Увидеть зло и отделиться, но не потерять любви	27
Выход из «треугольника»	29
Осмысленно проживать каждый день	31
III. ОТ НЕСЕНИЯ ОБЕТОВ – К СЛУЖЕНИЮ ЧЕРЕЗ ОБЩЕНИЕ.	
Из духовного наследия матери Марии – прмц. Марии (Скобцовой)	33
Необычный угол зрения	34
Методика здесь не годится	38
Стихотворение матери Марии	42
Послесловие психолога. Наталья Никулина	43

I. В узах

Проповеди и слово после утрени на собраниях братства «Трезвение»

Дуччо ди Буонинсеня. Воскресение Христова – Сошествие во ад.
Одна из сцен алтарного образа «Маэста»
(«Прославление Богоматери») в кафедральном соборе Сиены, 1308–1311 гг.

Пустота и пустыня преподобной Марии Египетской

Священник Георгий Кочетков

Слово на вечерне в неделю пятую Великого поста 12.04.2012 г.

Священник Георгий Кочетков

Подходит к концу святая Четыредесятница, и это означает, что Великий пост набирает силу. Мы начинаем сегодня праздновать память преподобной Марии Египетской, как обычно на этой неделе поста, и нам нужно как-то осознать значение этого празднования.

Опыт Марии Египетской – это, можно сказать, определенная парадигма жизни, характерная для многих и многих людей. В начале своей жизни она, несмотря на то, что считалась христианкой, строила свою жизнь отнюдь не по Христу, не шла путем благодати, а шла в прямо противоположную сторону: ненасытно исполняла все свои греховные пожелания, по сути превратившись в блудницу. При этом она никак не ожидала каких-то особых действий со стороны Господа Бога и не очень боялась их. Но пришел момент, когда для нее явилось знамение:

какой-то невидимой силой она была отстранена от участия в церковной молитве, даже от самой возможности присутствия в храме. И она восприняла это как знак, призывающий ее к изменению жизни, к покаянию, и, прекрасно сознавая то, что получить прощение ей будет крайне сложно, она ушла в пустыню для поста и молитвы, для одинокой, никому не заметной жизни. По сути эта пустыня началась в ней давно: как только она предала свою душу греху, страстям, дьяволу, тогда-то и началась ее пустынная жизнь, только она этого до поры до времени не видела, не осознавала. Пустыня, которая образовалась в ее сердце, в ее уме, в ее жизни, – она-то и привела ее в пустыню внешнюю, в места безлюдные, в места, наполненные опасностями. И лишь под конец жизни она удостоилась встретиться с одним монахом, от которого получила перед смертью причастие, и, примиренная с Богом, отошла ко Господу.

Кажется, что же здесь особенного? Это жизнь, которая подстерегает любого человека, когда он допускает внутрь себя всякую нечистоту и пустоту, т. е., если можно так парадоксально выразиться, присутствие дьявола, потому что присутствие отсутствия, пустоты – это и есть действие сатаны. Человек, который изнутри себя пуст, который, если взвешивать его на духовных весах, легче пушинки, – такой человек, конечно, живет в пустыне. И что здесь особенного? Таких людей в истории постепенно становилось все больше и больше, и сейчас их огромное количество. Более того, эта пустота становится все более и более агрессивной, она уже не терпит рядом с собою тех, у кого этой пустоты нет или почти нет. Мы это знаем

по нашей недавней истории, по истории нашей страны, нашего народа в XX веке. Да и сейчас, в XXI веке, мы видим нечто подобное. По сути, весь наш народ в какой-то момент, допустив внутрь себя пустоту, а вместе с ней и злобу, ненависть, борьбу против всего, что возвышает человека, что делает его человеком, – допустив все это, наш народ оказался сначала во внутренней, а потом и во внешней пустыне. Он так же лишился всего, остался наг, оказался вне всякого общения с людьми; и сама наша страна превратилась в пустыню, из которой выхода нет.

Эта пустыня продолжается до сих пор, хотя многое теперь и разрешено: и храмы открываются и строятся, и сотни, до тысячи монастырей было позволено открыть в нашей стране, в нашей церкви. А все равно пустыня остается, и все разорение – внутреннее и внешнее – в стране продолжается. Фактическое неверие – пусть и с элементами покаяния и сожаления о происшедшем – остается главной характерной чертой современной жизни страны. Действительно наша страна и наш народ продолжают как бы тот же путь, что когда-то прошла и великая грешница Мария Египетская. И надежда заключается для нас лишь в том, что как тогда эта грешница вдруг под конец жизни явила себя как святая, так, может быть – если покаяние наше будет действенным, если оно будет принято Богом, – и мы приобщимся благодати, и церковь наша возродится, и страна и народ обретут свои естественные черты. Безумие, обольщение и одержимость пройдут, и тогда вместо нечестия явится сила Божья и, значит, святость. Так может быть, но может так и не быть. И если говорить объективно, пока нет никаких серьезных оснований для того, чтобы быть уверенными в счастливом конце.

Наше братство и наш институт, как и многие, глубоко затронутые и даром Божьим, и той пустыней, в которой приходится жить, стараются отогнать сатану, изгнать его из нашей жизни, из церкви, из народа, прекратить эту одержимость. Пока не очень-то получается, но все-таки это надо делать. Плох тот человек, который ни на что не надеется; нельзя сбегать, убежать от своего креста, даже если он страшен как дыхание пустыни. Многие люди только и мечтают о том, чтобы куда-нибудь уйти, уехать, улететь, ускакать... И они всегда неправы. Если нас Господь поставил у креста здесь, то нам нужно привести ко кресту и себя, и других именно здесь, что бы ни происходило при этом с нами и вокруг нас. Это очень трудный выбор, и мы с вами хорошо знаем, сколь многие люди, особенно молодые, подвержены таким страхам, такому безверию, такому унынию, что сделать этот выбор они не могут. Не будем никого осуждать, но и поддерживать это малодушие нам нельзя. Просто сказать, что, мол, у каждого свой путь, это будет не по вере, это против воли Божьей. Если уж выпадет нам доля страдания, мы должны принять его как дар свыше, как необходимое искупление за грех народа, за грех страны, позволившей превратить себя в пустыню, не приложившей, не нашедшей в себе достаточных сил, чтобы не просто сопротивляться и роптать, но всерьез преодолевать искушения.

Будем же, дорогие братья и сестры, помнить: духовная жизнь учит нас всему, духовный опыт помогает нам не делать ошибок, помогает выбирать лучший путь, пусть он и будет самым узким, самым неудобным, самым тесным, но этот путь, если уж он от Бога, всегда есть путь любви и свободы. Это путь, ведущий в Жизнь

вечную, к жизни со Христом и во Христе, по дару Святого Духа. Будем же стараться, заканчивая Великий пост в этом году, быть достойными своего призвания, будем стараться умножать те дары, какие у нас есть, даже если их осталось совсем немного. Да, у нас нет сил, у нас нет навыков, у нас нет хороших примеров перед глазами, примеров современных и живых. И все-таки нам заповедано «взирать на Начальника и Совершителя нашей веры» Господа нашего Иисуса Христа (Евр 12:2). Будем делать это без страха и упрека, терпя все трудности и лишения – кто внешние, кто внутренние (неизвестно, что легче). Это судьба всех.

Один замечательный недавно отошедший ко Господу богослов говорил о нашем поколении: мы, – говорил он, – на богословском языке – навоз, мы должны унавоживать почву для других, для тех, кто придет после нас, потому что почва эта на сегодняшний день абсолютно бесплодная, она выхолощена до конца, в ней не осталось никаких корешков, даже их остатков. Все разорвано, все спутано. Не будем бояться быть в истории не в самом почетном употреблении. Надо засучить рукава и действовать, без всякого промедления и без всяких перерывов на отдых, на развлечение, на обед. Будет отдых, и развлечение, и обед – хорошо; не будет – и за это слава Богу!

Когда-то апостол Павел призывал всех христиан – мужчин и женщин, братьев и сестер – быть мужественными и твердыми. Сейчас это как никогда актуально. Нам явно не хватает мужества и твердости, нам не хватает соборности, умения жить, отказываясь от себя и своего, неся свой крест, умения жить с другими, почитая всякого другого верного выше себя. Пусть же научит нас этому Великий пост, который должен не просто привести нас к пасхальному празднику, но привести к воскресению душ человеческих, к воскресению страны и народа, к восстановлению церкви, также поруганной, и порушенной, и впавшей в паралич, как говорил еще Достоевский. Ничего не будем бояться. Пост должен научить нас не бояться искушений, и трудностей, и притеснений этой жизни, не бояться нищеты, клеветы, не бояться поруганий, откуда бы они к нам ни пришли. Будем всегда надеяться на лучшее, ибо «жив Господь и жива душа наша», и пусть эта надежда осуществится в полной мере в нашей судьбе!

Свидетельство через крестоношение

Дмитрий Гориславский

Проповедь на утрене БТр на Евангелие от Иоанна (5:24–30) 2.04.2016 г.

Дмитрий Гориславский

Дорогие братья и сестры, вы слышали евангелие от святого апостола Иоанна. Эти слова Господь говорит иудеям. Но что Он им говорит, они не понимают, и в конце этой главы на Его слова реагируют агрессивно и уже собираются побить Его камнями. Он говорит им: «Во грехах ваших вы умрете, если не узнаете и не поверите, что это Я». Зная их настроение, раскрывает Себя, говоря, что Он Сын Божий. Это Его крестоношение, Его путь на Крест. И мы в нашей жизни тоже приобщены к этому крестоношению, когда мы, грешные люди, призваны к тому, чтобы делать дела Божьи, те дела, к которым нас призвал Господь. И в подтверждение этому слова апостола Павла из первого послания к Коринфянам, когда он говорит, что «...безумное мира избрал Бог, чтобы посрамить мудрых, и немощное мира избрал Бог, чтобы посрамить сильное, и безродное мира, и уничиженное избрал Бог, и не-сущее, чтобы упразднить сущее, дабы не похвалилась пред Богом никакая плоть» (1 Кор 1: 27-29). Слова апостола еще раз указывают: наше призвание и наша жизнь должны соответствовать тому, что задумал о нас Господь. Мы идем этим путем, и наше трезвение в том, чтобы свидетельствовать о жизни с Богом, со Христом. Мы должны не просто прилагать усилия для освобождения от греха, ведь сам Господь освобождает нас от греха. Это Его действие. А наши усилия в том, чтобы помнить о Слове Божьем и смотреть, как это Слово Божье в нас отзывается, чтобы Его действие было в нас воплощено. Чтобы было действительно и не проходило бесследно то, что открывает нам Господь через Священное Писание и что происходит в нашей повседневной жизни, в общинно-братской жизни. Чтобы мы боролись с неправдой и злом, начиная с себя, на том месте, на которое мы поставлены. Чтобы то дело, которое мы делаем, было освящено Божьим светом, Его правдой, и никакое зло не оставалось в нашей жизни неисправленным и непросвещенным.

Будем верны этому призванию и будем помогать друг другу на этом пути с любовью, которую заповедал нам Господь. Будем свидетельствовать о жизни нашего братства, о жизни церкви и о любви Божьей во все дни нашей жизни.

В подлинном доверии есть радость и надежда

Светлана Борак

Проповедь на утрене БТр на Евангелие от Иоанна (3:22–36) 7.05.2016 г.

Светлана Борак

В эти пасхальные дни, особенно дни Светлой седмицы, нужно радоваться, как мы все радуемся, но и трезвиться. Было замечательное чтение. В нем вспоминается Иоанн Креститель, которого мы знаем как человека трезвенной жизни. Иоанн Креститель указывает путь ко Христу, к Богу. И вот, возник спор у учеников Иоанна с иудеями об очищении. Пришли они к Иоанну и сказали: «Равви, Кто был с тобой за Иорданом, о Ком свидетельствовал ты, теперь Он Сам крестит, и все идут к Нему». Иоанн отвечает: «Ничего человек не может принимать на себя, если не будет дано ему с неба. Сами вы мои свидетели, как сказал я, что я не Мессия, но что послан перед Ним». Здесь великое трезвение! Да, Иоанн Креститель является «равви», учителем, как тут сказано, для тех учеников, которые приходят к нему. Но он говорит о том, что за ним идет больший.

Нам очень важно помнить об этом в нашем свидетельстве зависимым близким. У нас непростая задача, возможно, даже более трудная, чем вести ко Христу, быть поручителями тех людей, которые не являются зависимыми. И мы знаем, что наши зависимые родные и близкие очень ранимы, болезненно ранимы, и мы тоже отчасти, или может быть не отчасти, можем что-то им сказать не так. Поэтому нам нужно быть очень трезвенными, помнить, взирая на пример Иоанна Крестителя, что мы ведем людей не за собой, не к себе.

Конечно, никто из нас не говорит о том, что он ведет за собой или к себе, или даже в братство. Но, тем не менее, наши зависимые могут не сразу это понять и пойти к своей придуманной цели, двигаться за нами или за катехизатором, который является для них примером. Но нужно, чтобы человек пришел к Богу, уверовал во Христа, узнал Его Церковь. «Друг Жениха тот, кто слушает и счастлив, рад голосу Жениха» – вот такая радость наполняет Иоанна Крестителя.

В этих словах бывает трудно не узнать нас, когда мы видим новых входящих в Церковь людей, когда мы радуемся радостью великой оттого, что пришли новые люди в Церковь. Но всегда ли мы радуемся, когда в обычный день нужно возрадоваться вместе с человеком? Это всегда сложнее, чем сострадать или жалеть. Это означает, что мы доверяем тому человеку, с кем имеем общение. «Свыше Грядущий выше всех. А кто от земли, от земли и есть, и говорит о земном. С неба Грядущий выше всех». В нашем свидетельстве о Боге, о Христе необходимо, чтобы именно Грядущий, Тот, о Ком мы свидетельствуем, был выше всех для каждого из тех, с кем мы говорим.

Дорогие братья и сестры, без общения с нашими зависимыми невозможно свидетельствовать им о Боге. Мы недавно говорили о том, что нужно пересматривать списки зависимых. И скорее всего каждая из наших групп это сделала и поняла, что если мы не имеем общения с ними, то соответственно не имеем и свидетельства этим людям, а необходимо, чтобы общение было, общение прежде свидетельства. Мы можем начинать общение с простого: с дружбы, о которой мы тоже неоднократно говорили. И когда мы становимся друзьями нашим ближним, то возникает взаимная открытость и доверие, а корень слова «доверие» – «вера».

Так пусть же дарует Господь нам самим быть открытыми, иметь к зависимым доверие, иметь с ними общение, даже несмотря на то, что это бывает мучительно сложно, мучительно долго.

Конечно, здесь необходимы границы. Если их не ставить, то можно унести глубоко в зависимость от людей зависимых.

Пусть же нам Господь всегда помогает иметь трезвенность в общении, чтобы мы знали, когда нужно сказать твердо и ясно: «Давай поговорим в другой день», – если мы не готовы к этому сейчас. Но не оставлять надежды на общение!

По лезвию трезвения

Александр Копировский

Слово после утрени 7.05.2016 г.

Александр Копировский

В очередной раз убеждаешься, что проповедь на богослужении – не благочестивая приставка к Писанию, когда нужно несколькими сладкими словами повторить то, что прочли, и сказать то, что все и так знают. Нет. Проповедь – это всегда возможность сказать больше, раскрыть, развернуть то, что было прочитано, и коснуться чего-то высшего. Поэтому проповедь – неотъемлемая часть богослужения, одна из самых важных его частей.

То, что сейчас сказала наша сестра Светлана, мне показалось, именно таково. Были сказаны очень важные вещи, принципиально важные. Спасибо сестре и слава Богу, что это удалось сказать. Это дает возможность продолжать вдуываться в услышанное чтение.

Во-первых, еще раз подчеркну две вещи, самые простые. Первое: «свыше Сходящий есть выше всех», и никогда нельзя упускать из виду, что мы для Него трудимся, а не для себя. И даже, в определенном смысле, не для тех, за кого мы молимся, за кого мы страдаем, т. е. за зависимых. Потому что, когда ставится только цель – «чтоб не пил», можно схватить слева и справа таких бесов, которые будут больше этого беса. Когда временная цель ставится как духовная, как абсолютная, к этому обязательно примешается наша нетрезвенность. И здесь нужно иметь трезвость и трезвенность. Трезвенность заключается в том, чтобы все отдавать Богу, тогда мы не ошибемся. А если даже ошибемся, упадем, нас Господь сразу либо поставит на место, либо поднимет.

Я вчера водил группу нашего Михаило-Архангельского малого православного братства по Третьяковской галерее, многие из них там были впервые. Обычно я начинаю экскурсию с картины «Явление Христа народу» Александра Иванова. То, о чем Светлана сейчас читала и потом говорила, представлено на ней. Христос там изображен отдельно от всех других людей. Его фигура самая маленькая, что канонам академической живописи категорически не соответствует. Главный персонаж должен быть на переднем плане, больше всех, все на него ориентируются, и он их в этом смысле организует. Все должно быть торжественно, весомо, возвышенно и назидательно, академизм никаких двусмысленностей не допускает. И вдруг выпускник Академии художеств, сын профессора Академии художеств, ломает это все, причем ломает, не разрушая композицию. Но он ее перестраивает: первого переставляет на последнее место. И тогда Тот, Кто на последнем месте, вдруг стано-

вится первым, потому что Он выше всех. Он, действительно, как с небес к людям сходит.

Такие вещи не получаются рационально. Иванов, как художник, ищет, ищет и – вот оно! И всегда вопрос: нашел ты решение или, наоборот, сильно промахнулся? Он нашел, дерзнул написать именно так и вызвал, конечно, большой скандал в почтеннейшей публике. Публика шумела: «Что это такое? Эта картина вообще о чем? Мы должны ясно видеть Мессию! А здесь получается: Мессия приходит, а это непонятно, это даже искушение и соблазн». Но ведь на самом деле Христос здесь все равно выше всех.

Поэтому – первый момент: будем помнить о том, что в наших трудах по отношению к зависимым близким мы лишь сотрудничаем со Христом, потому что Он выше всех, и Он, в первую очередь, больше нас заинтересован в освобождении этих людей от зависимости. И надо Его слушать. А это большая проблема, потому что мы ведь уже построили какой-нибудь свой план выхода их из зависимости, расписали, как мы будем действовать по ступенечкам. А надо слушать, что говорит Господь.

Второй момент тоже был очень важен в проповеди, мне кажется, его надо обязательно подчеркнуть – то, что касается границ. Когда мы готовы послужить зависимым, то границы у нас обычно куда-то летят. И начинаются «танцы» вокруг зависимых: в любой момент он свистнет (например, позвонит), и мы все бросаем и бежим как сумасшедшие туда, без всякого доверия Богу, без всякой ответственности за то, что мы еще в этой жизни имеем, не помня, что наша жизнь не им посвящена. Если она им посвящена, значит, она у Бога отнята в какой-то степени, и у братства, и у других людей.

Здесь мы идем по лезвию. Это не только узкий путь, но еще и путь, где многие почти буквально режут себе подошвы. Потому что хочется твердости, определенности, и мы говорим: да, я готов положить жизнь за этого зависимого человека! А тебя никто не просит это делать, потому что Христос за тебя уже положил Свою жизнь, и за зависимых тоже. Поэтому иди так, чтоб тебе было больно, а не чтобы ты говорил: я сделал все что мог, и я спокоен. Не все! Как раз то, что мог, ты и не сделал. Ты сделал то, чего не должен делать.

Трезвение и есть то самое лезвие, которое режет нам ноги. Трезвиться больно, неудобно, неэстетично, не приносит мгновенного удовлетворения. В устах горько, и мы не ждем, пока во чреве будет сладко. Мы дергаемся и говорим: «Нет, нет, должно быть в устах сладко, пусть во чреве будет горько. В Апокалипсисе же так и написано о тайнозрителе: он книжку съел, она была сладкой, а во чреве было горько». Но надо знать, что это сказано совсем о другом, и не бояться горечи в устах.

Будем благодарить Бога за то, что Он нам открывает вещи, которые вроде бы лежат на поверхности, вроде бы понятны, но когда к ним прикасаешься – они вдруг раскрываются, наполняют сердце, наполняют ум, вдохновляют и дают способность идти по лезвию трезвения и радоваться.

II. Вектор усилий

Обсуждение докладов на собраниях братства «Трезвение»
и в общинах Преображенского братства

Юлиус Шнорр фон Карольсфельд. Искушение. Лейпциг, 1852-1860 гг.

Когда нить толще каната

На одной из встреч братства «Трезвение» прозвучал доклад Натальи Никулиной «Что такое созависимость»¹. Тема эта не простая. И если алкоголизм – это зависимость от алкоголя, то может ли нетрезвенное участие христианина в жизни зависимого, обычно живущего в одной семье с пьющим, называться созависимостью? А если нет, то что значит в этой ситуации пребывать на пути трезвения? Ниже – обсуждение этого доклада.

Обсуждение доклада началось с вопроса: если христианин по отношению к зависимому несвободен в своих чувствах, мыслях и поведении, то обречен ли он? Автор считает, что надо противостоять сложившемуся мнению, по которому, если в семье есть зависимый, то все близкие уже обречены. Ведь на присутствие пьющего в семье можно реагировать по-разному. Можно идти путем трезвения, освобождаясь от мысли по шаблону, а можно жить по-прежнему, пытаясь свить свое семейное гнездо несмотря ни на что. При этом неважно, где живет зависимый: в семье, или на расстоянии, или уже отошел в мир иной – его родственник будет продолжать отрицать или вытеснять на периферию сознания саму проблему, потому что он привык не задумываться над собственными поступками и над их последствиями. Он качет трезвости для зависимого, но в глубине души в это не верит. Ему привычнее остаться в мире иллюзий...

Образ «свивания гнезда», одного из главных духовных ступоров на пути преодоления нетрезвенного участия в жизни зависимого, образ, в котором нет места кресту, напомнил нам парадоксальные слова отца Тавриона (Батозского), что «наше гнездышко на кресте» – и помог сформулировать проблему: как перестать заботиться о «своем»? И начать нести свой крест. Доклад призывает искать выход и обретения опыта братских отношений, в которых нет рабской зависимости, того опыта, в котором акценты с замкнутости и самодостаточности семейной жизни с зависимым переставляются на отношения братские, без обид и претензий. Если человек решается на такой крест, то ему надо открыться навстречу своему призванию жизни в общине и братстве как части церкви. Когда прочные братские отношения постепенно распространятся и на семью, тогда в ней возможны перемены. Пусть и не сразу. А это значит – не искать методик, как выводить из зависимости, кодировать или нет, кормить или не кормить, выгонять из дома или нет, а идти путем жертвенной Христовой любви, освобождаясь от заботы о «своем», ведь эта забота как нить, которая подчас прочнее каната. На этом пути даруется братское общение, вдохновение и трезвенность, помогающие быть внимательным к своему духовному состоянию, иначе можно привнести в братское собрание дух претензии.

¹ Созависимость – поведение близких людей, подчиненное жизни и действиям зависимого человека: алкоголика, игромана, наркомана и т. п. См.: <http://www.psychologos.ru/articles/view/sozavisimost>.
² Созависимый – это человек, который позволил, чтобы поведение другого человека повлияло на него, и полностью поглощен тем, что контролирует действия этого человека. См.: http://newliferus.ru/sozavisimost_-_mif_ili_bolezn. (См. также: Шорохова О. А. Жизненные ловушки зависимости и созависимости. СПб.: Речь, 2002. С. 6–16.)

Непросто оставить зависимого в его границах, трудно ему противостоять, если он угрожает. Он может потерять работу, не принимать помощь, может говорить, что никто не имеет права вмешиваться в его жизнь, и т. д. Но христианину нельзя отречься от отношений со Христом и личной Голгофы, от личного и общецерковного призвания, связанного с церковным возрождением. Пожалуйста, можно вить семейное гнездо, но все равно ты – на Голгофе. Без этого осознания нет трезвения, а есть провалы в собственной жизни, из которых в одиночку не выбраться. Грех распространяется на всех, кто рядом. Видя омерзительное состояние того, кто пьет (бьет, блудит), христианин не может желать этого для себя, но это не значит, что его не зацепило. Сам по себе грех, даже видение чужого греха, цепляет, провоцирует на осуждение, чем показывается собственная причастность к нему. И единственная реакция на него – хождение путем святости. Одна женщина рассказывала, что когда была на исповеди у старца Алексия Зосимовского, тот плакал вместе с ней над ее грехами, и это произвело на нее очищающее действие. Если сможешь заплакать над увиденным чужим грехом, то прикоснешься к святости. Если же нет, грех будет влиять на тебя самого, хотя бы человек и ненавидел этот грех, ибо через грех действует зло.

архим. Таврион (Батозский)

Для отца Тавриона (Батозского), проведшего много лет в местах заключения с верой в Воскресение, было трезвенно, толкая перед собой тачку и испытывая боль и страдание в день Пасхи, благодарить Бога. Но можно ли ему подражать в наших ситуациях с зависимыми? Это было бы нетрезвенно. Нельзя к семейным проблемам, которые возникают у нас с пьющим, применять как пароль слова святого.

Что же трезвенно? Принять свою ситуацию и поблагодарить Бога уже за то, что Он дает силы жить с этой бедой, когда все плохо, когда трудно найти выход, и что так может быть до конца жизни. И при этом помнить, что есть братья и сестры, есть Церковь, и врата ада Ее не одолеют.

Понимать, где ложная ответственность за зависимого человека, а где настоящая, сознавая, что выход – не в получении методики или

чудодейственного лекарства, а в том, чтобы вместе, в личной и братской ответственности, находить выход из той или иной ситуации с зависимым, не ожидая мгновенного результата. Трудиться и искать этот выход, не впадая в чувство вины или подавленности. Такой поиск воли Божьей и готовность принять ее и есть несение креста. Нельзя решать судьбу другого, выбирать за него, как жить. С пьющим можно о чем-то конкретном договориться, установить определенные границы, но самому важно никогда их не переступать и не допускать лжи. Такой поиск и есть самая «крутая» аскетика – с постом, молитвой и отказом от своего («Любовь... не ищет своего» (1 Кор 13:5)). Это и есть путь трезвения.

Как трезвенно помогать друг другу

На одной из июльских встреч в нашей общине мы обсуждали доклад Н. Никулиной «Что такое созависимость». И очень быстро согласились с тем, что каждого из нас подстерегает опасность поддаться зависимости или (через близкого) – окупнуться в нетрезвенную заботу о зависимом. Ведь речь идет не только об алкоголе, курении или наркотиках, но и о зависимости от интернета, телевизора, мобильной связи – да мало ли от чего! Поэтому вначале мы напомнили себе, что значит трезвиться и какова норма трезвения².

А затем задали вопрос: как трезвенно помогать друг другу? – и попросили ссылаться на личный опыт. И действительно, самым ценным на встрече стали рассказы братьев и сестер о том, как они справлялись или продолжают справляться с бедой близкого, попавшего в какую-либо зависимость.

Непросто устоять в Христовой вере и не поддаться соблазну контролировать жизнь близкого тебе человека, страдающего той или иной формой зависимости. Но если не устоять, возникает та самая нетрезвенная забота о зависимом, подпитываемая ложной значимостью своих действий. Как сказала одна сестра, живешь, уповав не на Господа, а на свои силы, и крутишься как белка в колесе, заботясь о зависимом в режиме навигатора, то есть постоянно «перестраивая маршрут». Но непросто обнаружить в себе и зависимость, например, от СМИ, поедающую наше время.

В братских отношениях, если они церковны, нет рабской зависимости. Обретая навык таких отношений, которые во Христе, надо вырываться из того, что «сцепляет» с пьющими – в семье, на работе, во время отдыха, а иногда и в общине. Это как игра «Лего», в которой одни зубчики «сцепляются» с другими, или как липучка, прилепляющая человека к человеку. Вырваться из таких «липучих» отношений необходимо для того, чтобы жить, угождая Богу, делясь благодатью друг с другом и распространяя ее на близких (зависимых).

Как же мы можем в этом помогать друг другу? Прежде всего, молитвенно, открываясь и прося молитвенной поддержки. А еще противостоя духу обиды – основному «признаку» личной несвободы – и значит, обретая мирный дух, дух любви, доверия и вдохновения. Важен и опыт советования, когда «во многом совете» побеждаешь обстоятельства «мира сего». Прежде всего – это опыт советования со старшими.

В конце нашей встречи одна сестра, не входящая в БТр, попросила нас молиться в своей тяжелой семейной ситуации, так и сказав: я поняла, вся встреча была обо мне, это я не свободна от зависимого и близкого мне человека.

² Трезвиться – значит идти путем обретения внутренней духовной ясности и чистоты помыслов. А формат трезвения связан с пребыванием в свободе от чуждых, ненормальных и неестественных условий нашей деятельности. См.: доклад Тамары Тябут «О понятии “трезвение” и об опыте трезвеннической жизни» на сайте БТр <http://www.nepsis.ru>.

Без «дешевой милости»

Чрезмерная забота о зависимом так же разрушительна, как и зависимость. Усиленно заботясь о пьющем, человек не может выразить свои чувства, тем более – осознать. А если и осознать, то с большим трудом. По словам святого Феофана Затворника, умение владеть своими чувствами есть христианская добродетель. Размышляя об этом, важно понимать разницу между отказом от проявления своих чувств (душевное состояние христианина) и умением владеть ими (духовное состояние). Чтобы обрести навык владения чувствами, нужны творческие усилия.

В такой ситуации христианину нужна поддержка и добрый совет, чтобы он осознал, как важно уметь в мирном духе ставить границы зависимому. «Опыт – сын ошибок трудных» приобретает не просто: нужно уходить от желания контролировать пьющего, но не поддаваться страхам. Задача братства «Трезвение» и состоит в том, чтобы братья и сестры обретали навык дружеского общения и делились этим со своей общиной.

В общении с зависимым человеком важно не брать на себя роль спасителя, не обнадеживать, что все у него будет хорошо, не проявлять по отношению к нему «дешевой милости». Это нетрезвенно. Если в общине (группе) есть такой человек, то собрание, исходя из нетрезвенного понимания милосердия, может перейти эти границы и в общении с ним, что не принесет добрых плодов. Церковному человеку важно спросить себя: насколько то, что он предлагает, не только разрешает семейную проблему брата (сестры), но и помогает в его (ее) воцерковлении? Усилия должны быть направлены в эту сторону.

Совместная жизнь в духовной семье предполагает совместное духовное творчество, направленное на исполнение общинно-братского призвания. Если это есть, разрешение семейной ситуации с пьющим обретает свое место, время, развитие, а главное – надежду. Важно также, чтобы у живущего в семье была решимость честно и открыто говорить о своей проблеме.

Мужество меняться

Обсуждать доклад Натальи Никулиной «Что такое зависимость» (см. его на сайте БТр <http://www.nepsis.ru>) на встрече общины было непросто – не давалось понимание зависимости от зависимого человека. Как это – в его семье бессознательно провоцируют любителя выпить на то, чтобы тот выпил еще раз? Более того, его родным нравится роль жертвы? Да, нравится, потому, что они стремятся сохранить привычное течение семейной жизни. Ведь если близкий им человек бросит пить, придется менять свою жизнь, а они к этому не готовы.

Кто-то зачитал фрагмент из доклада: «Наблюдения [психотерапевтов] показали, что члены семьи мешали лечению “больного”, пытались включиться в лечение или саботировали его, как будто семья была заинтересована, чтобы он оставался “больным”». Получается, членам семьи «невыгодно», чтобы зависимый изменил свою жизнь к лучшему. Кто-то вспомнил о зарубежной программе 12-ти шагов выздоровления от зависимости. Там лечат родственников больного алкоголизмом, да еще всем им уделяют больше внимания, чем зависимому. А у нас родственники на это идут неохотно, хотя понимают, что и им надо подлечить свою нервную систему.

Многим в общине не хотелось соглашаться с тем, что их тесное взаимодействие с пьющим может быть нетрезвенным и привести к еще большей несвободе и даже к какой-то зависимости. Но этот дух атакует каждого и внезапно: после общения с зависимым просыпается тяга то к алкоголю, то к кофе или чаю; то хочется провести вечер у телевизора или за компьютерной игрой.

Напряжение разговора повысилось, когда стало понятно, что влияет и связь матери и ребенка еще в его внутриутробный период. И если наши мамы, будучи беременными, зависели от кого-либо (чего-либо), то как же осознать в себе эту зависимость? Увидеть себя такими, какие мы есть? Ведь это и страшно, а еще это и большой труд. Не поддаться зависимому, не расстроиться от его очередной выходки, не впасть в ступор...

Так как же понять: есть ли в нас это едва уловимое согласие с зависимостью?

Вопрос тонкий, потому что он связан с молитвой и покаянием. В молитве будем просить мужества... Ведь чтобы Христос открыл христианину, что в нем не так, тому важно мужественно этого захотеть. А когда это состояние откроется, осознать его и принять как свою проблему, решать которую придется всю жизнь.

Вот, зависимому захотелось выпить, и он на все пойдет ради этого. А сестра, живущая как будто церковно, сбрасывает свое напряжение через скандал. Ей бы сдерживать себя, проявить любовь. А сил нет. Иногда получается, а иногда она выдает мужу все, что думает о нем, а потом раскаивается. Еще на какое-то время сил хватает – и снова срыв. Стандартное поведение жертвы зависимости. Он уже голоса своей жены не может слышать и просит не разговаривать с ним, а то повышенное сердцебиение начинается. А жена в ответ: «Тебе плохо от того, что ты делаешь, а не от того, что я с тобой разговариваю», – и опять берется его контролировать, чтобы не выпил, закрывшись в туалете.

Эта проблема – не просто проблема души и тела, это прежде всего – проблема духа. Надо захотеть увидеть себя в неприглядном свете. Ведь человек склонен не замечать своих проблем. На этом пути узнавания себя много самообмана. Долгие годы потребуются, чтобы, стараясь исправиться, разорвать, «расщепить» дурной круг «несвободы – зависимости». Здесь важно заниматься выстраиванием своих приоритетов и осознанием границ своей ответственности за церковную жизнь. Важна и решимость не испугаться последствий этого разрыва, ведь и к родственнику зависимого приходит нечто вроде похмельного синдрома, или ломки. Болит голова, кости, суставы, и все это из-за того, что своя жизнь замещалась жизнью зависимого человека – в ущерб себе. И церковному человеку нужно идти в сторону трезвения, стремясь трезвенно понимать и принимать себя и другого. Это непросто: действует «коэффициент искажения действительности», который есть в каждом из нас. Он уводит от трезвения. Влияет еще и конфликтная среда, и состояние здоровья, и т. д.

В довершение ко всему может показаться, что молишься, молишься, а ситуация не меняется. Потому что просишь у Бога, чтобы Он открыл тебе твои грехи, и в то же время думаешь: только не сейчас. Противостоят духу, противящемуся тому, что связано с покаянием, можно только вместе, в церковной среде, с помощью Христовой веры и любви.

Как общаться с пьющими родными

Одна из групп братства «Трезвение» побывала в конце 2015 года в подмосковном городе Электросталь. Принимали нас члены Свято-Павловского малого православного братства.

Одна сестра рассказала, что ее сын начал пить с 15-ти лет. Она пыталась бороться с ним: умоляла, ругала, однажды даже поколотила, потому что он пришел домой абсолютно пьяным, а потом на исповедь побежала. Но батюшка сказал: знаешь, это болезнь, ты ее так не вылечишь. Нужно молиться о своих близких, понимая, что на этом пути нет для них никаких гарантий. Но в одиночку противостоят беде невозможно. Вот почему задача братства «Трезвение» – духовно друг друга поддерживать – в первую очередь в молитве, чтобы не погрязнуть в своей проблеме.

Постепенно вышли на проблему общения со своими пьющими родными. Как общаться, чтобы хоть что-то менялось в отношениях между нами? Конечно, здесь действует Господь, но Он действует и через нас. Один из братьев сказал, что братство «Трезвение» для него – возможность пройти «пустыню» внутри себя и сделать хоть что-то, чтобы измениться самому и помогать меняться тем, кто его окружает.

*Встреча со Св.-Павловским православным братством
г. Электросталь Московской области*

Кто-то из присутствовавших задал вопрос «от противного»: если есть люди зависимые и те, кто «зависят» от них, то кто такие независимые? Это те, кто не пьет и не курит или кто-то еще? Размышляя об этом, вспомнили Новый завет, который учит жизни в свободе и нас, и людей в нашем окружении – свободных от зависимостей. (Слава Богу, такие люди есть.) Глядя на них, можно вдохновляться и устраивать и свою жизнь по-другому, без зависимости, например, от того же чая или кофе. Кто-то пошутил, что здоровых людей нет, а есть недообследованные...

Но если говорить серьезно, то зависимость (и несвобода родственника от близкого зависимого) есть проблема духовная, потому что связана с рабством греху. Здесь помогает принцип личной ответственности, соблюдая который можно добиться того, чтобы не зависеть от другого – ударившего, обидевшего или «но-

сящего нас на руках», а идти к трезвости и свободе во Христе – не на словах, а на деле. Живя по этому принципу, важно молиться о возгревании в своем сердце Христовой свободы и Христовой любви ко всем, включая врагов. Есть обида – значит, есть и внутренняя зависимость от кого-то или чего-то. Это особенно видно в семейной жизни, где приходится беречь личное пространство, которым никто не должен владеть, даже самый близкий, как сердцем нашим. Потому что оно Богом создано и Ему одному принадлежит.

Чем сложнее отношения в семье, тем щепетильнее надо бы соблюдать эти границы. Здесь-то, когда границы игнорируются или нарушаются, и возникают конфликты. Но по ним церковному человеку легче увидеть проблему. А увидеть – значит разрешить. Например, увидеть в себе привычку отгораживаться от жизни другого (живи, мол, как хочешь, меня это не касается). Такая привычка – от позиции согласия со злом, соучастия с ним. Как только осознаешь ее как личный грех, могут всплыть и другие «заклятые места». И все, пора на исповедь. А это и есть трезвение – увидеть проблему как то, чем болеешь сам. Не увидишь – не разрешишь.

Один брат, у которого проблема алкоголизма длилась десятилетиями, поделился тем, как с ним общались в семье. Отгораживаться нельзя, из-за такой «стены» рано или поздно произойдет «утяжеление» проблемы, и ее все равно придется решать. Его жена как церковный человек это понимала и изменяла отношения с ним, молилась о нем годами, иногда и руки опускались. Казалось, он не меняется, а наоборот – пропадает. Но проблема разрешилась в одночасье. Вдруг он перестал пить. Какие-то остатки проблемы еще есть, их придется еще долго решать, но это уже другая тема. Главное во всей этой истории то, что молитвенное общение с Господом всегда отзывается каким-то плодом и в практической жизни, а это значит, что всегда есть надежда на разрешение проблемы. Очень жаль, что люди живут, не припадая ко Христу, а покоряются состоянию зависимости...

По слову священника Георгия Кочеткова, духовного попечителя братства «Трезвение», у каждого человека есть свой коэффициент искажения реальности. Вспомнив эти слова, одна из участниц встречи подытожила, что в этом смысле людей независимых нет. Но как бы то ни было, есть границы нашей ответственности – наши родные: пьющие, курящие, зависимые от наркотиков или компьютера – и силы нам даются на то, чтобы поддерживать отношения именно с ними. Она рассказала, как в этом году проживала новый виток отношений с родной сестрой, увидевшей, наконец, проблему своей алкогольной зависимости. До этого та много пила, и ездить к ней было бы тяжело, если бы не Господь. А потом у нее отказали ноги, и она бросила пить.

Затронули также тему страданий христианина: больно от вида близкого, подгоняет дух нетерпения, уводят от трезвения ложные надежды на свои силы. Был задан вопрос: можно ли выходить из всего этого освобождаясь, но не страдая? Ведь страдая, все время себя жалеешь, пребываешь в статусе несчастного человека, и значит, – духовно не растешь. Поэтому важно двигаться в сторону сострадания, где и обретается свобода.

И поэтому, как сказала еще одна сестра, принимавшая участие в разговоре, так важно уметь вовремя и с любовью отстраниться! В ее опыте есть отстранение от пьющего родного брата. Она научилась не бежать на помощь по первому зову его собутельника. Звонят в два часа ночи: куда привезти твоего брата? – а она теперь в ответ: ты с ним пил, вот и вези, куда хочешь. И находится место для ночлега, и все выживают. Но конечно, если ситуация серьезная, приходится помогать.

Напоследок выслушали историю того, как это отстранение с любовью принесло добрый плод. В какой-то момент мать (и бабушка), похोдив в группу анонимных алкоголиков, сказала своей пьющей дочери: дети – твои, что хочешь, то с ними и делай, кормить вас всех не буду. Дочь впала в ступор, а потом в ней произошел какой-то перелом. Раньше она выпивала, ни за что не отвечала и делала что хотела. Поставленные ей границы вдруг выявили вопрос: ты кто, кукушка или мать? Если мать – берись за ум. И через полгода она окончательно исправилась, хотя и после нескольких срывов. Конечно, нам в таких историях без страданий нельзя, потому что гибнет родной человек, и его от себя не отпихнешь. Но есть страдание и есть сострадание, есть требование каких-то границ, иначе все дозволено – делай, что хочешь. Это установление границ и есть трезвенный выход из проблемы.

Трезвиться в отношениях с родителями – начинать с себя

Если дети не хранят честь и достоинство родителей, злословят их, поднимают на них руку и т. д. (Исх 20:12), то они нарушают заповедь об их почитании. Такое часто происходит в случае, когда кто-то из родителей имеет психические проблемы, склонен к манипуляциям и с ним нет нормального общения. Как тогда помогать?

В ветхозаветном смысле важно отзываться на реальную нужду, чтобы родители не голодали, имели необходимые лекарства, то есть поддерживать их жизнь и порядок в доме. Но при этом нужно еще и относиться к ним с любовью, как призывает нас Христос, говоря о любви к ближнему. В этом смысле они становятся не только близкими, но и ближними. Стоит еще размышлять и над словами Господа: «А вы говорите: кто скажет отцу или матери: корван, то есть дар Богу то́, чем бы ты от меня пользовался, тому вы уже попускаете ничего не делать для отца своего или матери своей» (Мк 7:11–12).

О молитве за химически зависимых родителей. О чем молиться, если, допустим, курящий отец психически нездоров? Здесь речь не о том, чтобы помочь ему физически избавиться от курения как зависимости, а о том, чтобы он встал на путь спасения, осознал свою немощь, стал двигаться в сторону покаяния. Ему надо увидеть, что он не только губит себя, но и своим губительным поведением влияет на родных. Может, физически он и не оставит курения, но придет к внутреннему покаянию, что важнее.

Физически уходя от недуга, можно прийти к другой зависимости, и даже не к одной. Зависимость отягощает путь спасения человека, но это не тот критерий, по которому не пускают в Царство Небесное. Важно за «деревьями», о которых мы говорим, видеть «лес». А это значит – трезвенно молиться об избавлении от зависимости как о пути спасения человека и об исцелении наших с ним отношений. Значит, в первую очередь молиться о себе, чтобы самому начинать исправлять отношения с родителями. Поэтому нужно еще и самому увидеть, осознать и адекватно оценить свои мысли, чувства и поступки. Нужно возгревать в себе любовь к родителям через молитву ко Христу. Иногда понадобятся годы, чтобы преодолеть в себе гнев, раздражение и т. п. Это не легче, чем избавляться от каких-либо зависимостей.

Ветхозаветный закон о почитании родителей не отменяется, а обновляется в Новом завете. И если мы сами будем выполнять волю Христа, идти Его путем и выстраивать отношения с родителями и со всеми людьми через Христа и во Христе, то будут изменения и в нас, и в наших семьях, и вокруг нас.

Из личного опыта

Сергей: Если пожилой человек имеет психические проблемы, то с границами у него беда. Сознательно или бессознательно он склонен к манипуляциям. Поэтому основной критерий для меня – это реальная нужда: лампочку поменять, помочиться и т. п. А что-то человек может сделать сам: сходить к врачу или в магазин

поблизости. Часто, насмотревшись телепередач, он пребывает в негативе, и ему хочется на кого-то этот негатив вылить. Терпения же этому противостоять с улыбкой не хватает (грешный я человек). Поэтому нравится – не нравится, а откликаюсь я только на реальные нужды. Как со всем этим осуществлять заповедь о почитании родителей в новозаветном ключе, мне непонятно.

Елена: У меня такая же ситуация была с отцом, и я всячески избегала контакта, всегда уезжала, только бы не находиться в этом аду. Жить в одном доме с таким человеком и при этом любить, почитать его – это очень сложно. Но с другой стороны, эта заповедь – часть той, которая о любви к Богу и ближнему. Поэтому надо стремиться к глубине, чтобы и родители стали для нас такими же ближними, то есть любить их не как близких (свое, «кровинушку»), а как ближних, что связано с милосердием и исправлением отношений.

Не так давно меня потрясла книга Н. Бердяева «Духи русской революции», которую мы вместе обсуждали, и на днях я исповедовала то, что увидела в себе после этого чтения – духов разобщения, разделения, разрушения. После исповеди испытала такое облегчение, такую чистоту – давно этого не испытывала. У меня долго были претензии к отцу, но после его смерти я его простила. В конце жизни он перестал пить, курить – здоровье заставило, но со Христом он так и не встретился, ушел не примиренным с Ним.

Видимо, нужно внимательнее относиться к тому, что в нас такого от родителей, какими духами живем и, конечно, каяться в этом, чтобы трезвенно входить в дело исцеления людей из своего рода.

Наталья: От родителей мы можем потерпеть многое, но не помогать им – нельзя. А ситуация может быть разная, тобой могут манипулировать, оскорблять, вообще делать все что угодно. Получается – терпеть-терпеть-терпеть...

И вот я думаю, что здесь тайна. В чем смысл почитания родителей? С ними хорошо, если в семье хорошо, за одним столом обедаем, ужинаем, чай пьем, как-то общаемся, почти как у христиан. Но в большинстве случаев так не получается. У христиан – трапеза и общая родная жизнь. А просто сесть за один стол с родителями в миру – не получается. Ни с психически больным отцом, зависимым от алкоголя, ни с мамой, и на нее отпечаток наложился.

Сейчас Господь привел ее на оглашение, и отношения потихоньку начали выравниваться, действием не человеческим – Божьим. Вот я и спрашиваю: а где же здесь границы, где почитание родителей?

Наталья: Еще одна сторона вопроса, когда родители неверующие и привыкли к безоговорочному послушанию детей, а дети пытаются жить с Богом, исполнять Его заповеди, воцерковляться. Очень мешает это родительское навязывание своего. Надо твердо им противостоять, чтобы не навредить, а в какой-то ситуации, может, и прощачь. Но мне кажется, что во всем этом кроется компромисс. Так ли?

Мария: Находясь в такой ситуации, нужно ставить границы, говорить разумно, заранее предупреждать, что нужно уехать: у меня вот такая встреча, мне нужно на работу быть. Что жить без Бога, без Церкви не могу. Конечно, сложно противостоять твердо таким родителям, когда они хотят, чтобы их дети были на побегушках.

Олег: В проблеме взаимоотношений с родителями важен вопрос: какое может быть достоинство у человека, который пьет, сам себя не уважает и вытворяет такое, о чем вслух не произносят? Поневоле встанешь в тупик, если бы не этические нормы. Нас родители никогда не оставляли голодными, мы не замерзали и т. п. – и мы должны так вести себя по отношению к ним. Но все это Ветхий завет. Новый же в том, чтобы идти на глубину в общении с родителями. Иначе может возникнуть страшная вещь – формализация отношений.

Я с пятнадцати лет в суворовском училище, потом самостоятельная жизнь, и в какой-то момент отношения с родителями стали формальными. Раз в две недели я созванивался с ними – и все. А когда началось углубление этих отношений, оказалось, что мне сложно. Сложно выявить то, о чем стоит поговорить, найти общие точки соприкосновения, это труд. У христиан любовь дружественная, в ней нет ничего формального. И с родителями бы так подружиться! Но если все внутри сопротивляется этой мысли, то приходит другая – что они становятся некоей обузой, а это еще хуже. Вот и настраиваешь себя на длительное молитвенное усилие, чтобы не останавливаться и идти до конца.

Ирина: Мой отец пил. Он умер на работе, и я его увидела только в морге. А когда вышла из больницы, то в книжном киоске напротив мне бросился в глаза огромный календарь со Спасителем. Наверно, главное – это увидеть Бога в своем отце и поступать с ним как сердце подскажет, с любовью, а не только «подружиться».

Господь мог из камней сделать себе детей, но Он дал и нам предков, на которых мы внутренне хотя и не похожи, но с которыми крепко связаны. Когда умирала мама, мне пришлось ухаживать за ней, мыть ее, поднимать на руки, и я поняла, что теперь я – «родитель» для своей матери и могу послужить ей, как когда-то она мне. Мы все едины, мы все одна кровь. Нужна любовь. И без любви – какая вера? Невидимые духовные нити связывают нас...

Лариса: В Первом московском хосписе есть правило: нельзя ломать человека, если он смертельно болен, а у него есть какие-то привычки, которые кажутся нам греховными. У меня с моим отцом были дружеские отношения. А он, надо сказать, был парализован больше 30-ти лет. Отец был из поколения «израненных лейтенантов». Они на войне и становились лейтенантами в 20 лет. Он и все его друзья, пришедшие с войны, пили.

Когда его парализовало, встал вопрос: давать ему спиртное или нет? Я давала, не могла по-другому. Если бы волевым решением перестала давать, это было бы похоже на то, что я попираю его человеческое достоинство, потому что это уже был не его выбор. Отец мучился, у него были сильные боли, а я не могла подойти к нему, распростертому, и сказать: не дам выпить, это мое волевое решение.

Но когда за четыре года до его смерти я пришла в братство «Трезвение», что ни в наших отношениях изменилось. И я смогла сказать ему: я не буду больше покупать тебе спиртное. Отец принял это спокойно. А несколько лет тому назад его не стало, и я, возвращаясь к тому, что было, думаю: все в наших отношениях было правильно.

Поединок с пустотой

В докладе Натальи Никулиной «О возможных путях выхода из зависимости и созависимости. Взгляд православного психолога» (см. его на сайте БТр <http://www.persis.ru>) продолжается тема созависимости и описываются этапы ее осознания верующим человеком.

Если христианин осознал, что, сопрягая свою жизнь с жизнью зависимого, теряет свободу во Христе, он может обнаружить в себе пустоту. Надо ли ей противостоять? А если надо, то как?

Тема пустоты уже обсуждалась со всех сторон на XVIII Международной научно-богословской конференции «Духовное противостояние пустоте в Церкви и обществе» (29 сентября – 1 октября 2008 года). Открывая конференцию, священник Георгий Кочетков призывал нас тогда внимательно взглянуть в дом нашего сердца, нашей жизни, чтобы дома, церковный и общественный, не оказались пустыми. Рассматривать пустоту с точки зрения своих отношений с зависимым – дело серьезное. Можно пройти оглашение, считать себя воцерковленным, иметь за плечами большой опыт церковной жизни, но, находясь с зависимым в одной семье, не замечать, что сроднился с ним этой пустотой. Нельзя оставаться младенцем во всю свою жизнь, надлежит взрослеть! Вот только сор накапливается в душе очень быстро и мешает трезвенно воспринимать ситуацию беды.

Сострадать пьящему, о чем-то договариваться с ним в этот период бывает непросто, ведь его пустота агрессивна и ощущается даже на душевно-телесном уровне. Она стремится овладеть христианином. Тот в ответ может впасть в ступор, оказаться беззащитным, ответить своей пустотой или сослаться на неотложные дела и уйти. А надо не поработаться ей, найти силы для внутренней молитвы, иначе аналог с зависимым станет разрушительным, и разрушительным вдвойне. Это как пустота на пустоту или пустота в геометрической прогрессии. Чтобы не приумножать ее, надо быть очень трезвенным, решительным и ответственным.

Обычно человек, сталкиваясь с чем-то неизвестным, старается как можно быстрее выйти из этой ситуации, вернуться к привычному образу жизни. А в ситуации с пустотой приходится принимать удар, что неприятно, некрасиво, неудобно, наконец. Общение с зависимым человеком, когда-то близким и родным, становится мучительным. Можно сделать вид, что все нормально, и заполнить эту пустоту, не заметив суррогата. Даже если это не алкоголь, а стихи, музыка, телевизор, разговор в политике – что угодно, все равно суррогат. Что же? Митрополит Сурожский Антоний писал, что помолчать, посидеть рядом, ничего не говоря, плодотворно выдержать состояние пустоты – большой духовный труд.

Умеем ли мы так общаться – молча, без раздражения на себя и других? Не пришедшая никакого разговора? Чтобы в глубине этого молчания родилось что-то новое, творческое? Ведь чтобы не раздражаться, нужно возлюбить человека во грехе его, терпеть, что он делает все не то или не так. Когда же эти его постоянные ошибки (грехи) накапливаются, в нем возрастает экзистенциальная пустота. Она прикрывается лежанием на диване или суетливой деятельностью, в которую он втягивает и окружающих. Такой бег по кругу...

Трезвенно ему можно противопоставить только мирный дух.

Но трудно отделить себя от зависимого человека. Трудно в этом экзистенциальном молчании идти с ним на глубину и не бояться пауз. Оно требует серьезного духовного усилия. При разговоре, если диалог идет на уровне «мать – дочь; отец – сын», «старший брат – младший» (варианты легко воссоздать), конфликт неизбежен. Только уровень «человек – человек», когда уважаются взгляды другого, дают надежду на мирный дух. Это усилие любви, и оно даром не проходит.

Агрессивная реакция пьющего может исходить из потребности защитить то, что скрыто, – любовь. Ему страшно чувствовать ее в себе, тем более проявлять. Но она есть! И тому, кто заботится о зависимом, вопреки его пустоте, его претензиям или злости надо ориентироваться на любовь. Так что пустота человека неоднозначна. В ней есть и живой росточек, который может зацвести.

Направляя усилия любви в эту сторону, христианину нельзя забывать и о негативе. Это как в работе с трудными подростками, с их подчас разрушительной энергией. С ними интереснее, чем с теми, кто несет в себе посредственность, в которой, по словам Ольги Седаковой, нет прямоты и простоты отношений (см. ее статью «Посредственность как социальная опасность», <http://polit.ru/article/2004/12/20/sedakova/>). Оценить опыт по переживанию глубин зла, незнакомый многим, – трудно. Но без этого труда невозможно выходить из негатива пустоты. И надо очень хорошо подумать, прежде чем звать пьющего в свое «хорошее», потому что на поверку оно может оказаться посредственностью, помноженной на страхи перед пустотой и неизвестностью, перед своим взрослением и личной ответственностью, да мало ли перед чем. Что остается? Идти путем христианского просвещения, а не искать всякие тренинги...

Главное – при всем опыте пустоты, знаниях, умениях и навыках, направленных на самоанализ, необходима молитва, как необходимо и трезвенное отношение ко всему, что связано с пустотой. Поединок с ней требует мужества и мирного духа, творческого восприятия жизни и усилий любви и сострадания.

Увидеть зло и отделиться, но не потерять любви

Память родственника, близкого зависимому человеку, часто обострена, провалы наблюдаются только в том, что касается его собственной жизни.

Мозг переполнен идеями и вариантами предстоящих в семье событий, за которые он готов взять гиперответственность – все это может сопровождать христианка, если он нетрезвенно входит в проблемы пьющего. В тот период, когда он уже решился всерьез отвечать за свою жизнь и возрождение себя как личности, ему важно качественно преобразовывать отношения с пьющим. С одной стороны, обретать свою внутреннюю целостность, отделять свою жизнь от зла, поселившегося в семье, а с другой – выпрямлять отношения с родным человеком как отношения двух самостоятельных, не зависимых друг от друга людей.

Для этого надо быть внимательным, увидеть в своем поведении и в поведении зависимого то, что связывает свободу обоих и, в конечном счете, уродует их отношения. Увидеть и от этого отделиться. Но мало отделиться душой, эмоционально, хотя и это – словно кожу с себя снять. Надо поддержать в зависимом то позитивное, что развивает его, и не потакать ему в том, что его разрушает. Это состояние можно уподобить качанию на качелях, когда от одного состояния (внизу) переходим к противоположному (вверху): от ненависти – к симпатии; от механического отношения – к четкому выстраиванию приоритетов; от безумного потакания – к творческому поиску выхода из ситуации. Увидеть это в своем поведении и означает для христианина проявить трезвение. Иначе трудно будет меняться обоим. Вот несколько примеров того, как это происходит в жизни.

Одна сестра поделилась тем, как практически сразу после ее вступления в братство «Трезвенные» пьющий муж стал жить отдельно, на даче. Сначала она испытала ужас и тревогу: как он там один? Но последовала совету бабушки: к мужу не ездить и в отношения с ним не входить – «уехал и уехал».

После четырнадцати лет ее церковной жизни муж надумал вернуться. У нее и у сына – шок. Улышав слова из доклада о том, что у нее есть какая-то степень ответственности за мужа, она сначала возмутилась: за тридцать лет совместной жизни накопила столько этой ответственности, что уже не хочется никакой! И вдруг – мысль: а как же то живое, что, возможно, есть в муже? Как же общение с ним?

Стало понятно, что ее умозрительные схемы разрушены, а отношения с мужем требуют анализа. Но не было в ней того ужаса, агрессии и раздражения, которые сопровождали когда-то ее семейную жизнь. В настоящее время муж продолжает пить, но у нее есть силы разговаривать с ним. Значит, Господь действует, и нужно искать в муже позитив, о котором говорилось в обсуждении темы пустоты. Тем более что и муж за эти годы изменился: не пьет при них, не позволяет себе входить в какие-то конфликтные ситуации, старается жить мирно... Значит, из уюта семейной жизни надо выходить, не поддаваясь унынию, благодарить Господа за появление творческого восприятия жизни и просить мужества – будет трудно...

У другой сестры муж ушел на двенадцать лет и запил. Потом вернулся и предложил: «Данай исправлять ошибки». Эта работа над ошибками растянулась надолго.

Трезвенно ему можно противопоставить только мирный дух.

Но трудно отделить себя от зависимого человека. Трудно в этом экзистенциальном молчании идти с ним на глубину и не бояться пауз. Оно требует серьезного духовного усилия. При разговоре, если диалог идет на уровне «мать – дочь; отец – сын», «старший брат – младший» (варианты легко воссоздать), конфликт неизбежен. Только уровень «человек – человек», когда уважаются взгляды другого, дают надежду на мирный дух. Это усилие любви, и оно даром не проходит.

Агрессивная реакция пьющего может исходить из потребности защитить то, что скрыто, – любовь. Ему страшно чувствовать ее в себе, тем более проявлять. Но она есть! И тому, кто заботится о зависимом, вопреки его пустоте, его претензиям или злости надо ориентироваться на любовь. Так что пустота человека неоднозначна. В ней есть и живой росточек, который может зацвести.

Направляя усилия любви в эту сторону, христианину нельзя забывать и о негативе. Это как в работе с трудными подростками, с их подчас разрушительной энергией. С ними интереснее, чем с теми, кто несет в себе посредственность, в которой, по словам Ольги Седаковой, нет прямоты и простоты отношений (см. ее статью «Посредственность как социальная опасность», <http://polit.ru/article/2004/12/20/sedakova/>). Оценить опыт по переживанию глубин зла, незнакомый многим, – трудно. Но без этого труда невозможно выходить из негатива пустоты. И надо очень хорошо подумать, прежде чем звать пьющего в свое «хорошее», потому что на поверку оно может оказаться посредственностью, помноженной на страхи перед пустотой и неизвестностью, перед своим взрослением и личной ответственностью, да мало ли перед чем. Что остается? Идти путем христианского просвещения, а не искать всякие тренинги...

Главное – при всем опыте пустоты, знаниях, умениях и навыках, направленных на самоанализ, необходима молитва, как необходимо и трезвенное отношение ко всему, что связано с пустотой. Поединок с ней требует мужества и мирного духа, творческого восприятия жизни и усилий любви и сострадания.

Увидеть зло и отделиться, но не потерять любви

Память родственника, близкого зависимому человеку, часто обострена, провалы выдаются только в том, что касается его собственной жизни.

Мног переполнен идеями и вариантами предстоящих в семье событий, за которыми готов взять гиперответственность – все это может сопровождать христианина, если он нетрезвенно входит в проблемы пьющего. В тот период, когда он уже решился всерьез отвечать за свою жизнь и возрождение себя как личности, ему важно качественно преобразовывать отношения с пьющим. С одной стороны, обрести свою внутреннюю целостность, отделять свою жизнь от зла, поселившегося в семье, а с другой – выпрямлять отношения с родным человеком как отношения двух самостоятельных, не зависимых друг от друга людей.

Для этого надо быть внимательным, увидеть в своем поведении и в поведении зависимого то, что связывает свободу обоих и, в конечном счете, уродует их отношения. Увидеть и от этого отделиться. Но мало отделиться душой, эмоционально, это и это – словно кожу с себя снять. Надо поддержать в зависимом то позитивное, что развивает его, и не потакать ему в том, что его разрушает. Это состояние можно уподобить качанию на качелях, когда от одного состояния (внизу) переходяшь к противоположному (вверху): от ненависти – к симпатии; от механического отношения – к четкому выстраиванию приоритетов; от безумного потакания – к творческому поиску выхода из ситуации. Увидеть это в своем поведении и означать для христианина проявить трезвение. Иначе трудно будет меняться обоим. Вот несколько примеров того, как это происходит в жизни.

Одна сестра поделилась тем, как практически сразу после ее вступления в братство «Трезвение» пьющий муж стал жить отдельно, на даче. Сначала она испытала ужас и тревогу: как он там один? Но последовала совету бабушки: к мужу не ездить и в отношения с ним не входить – «уехал и уехал».

После четырнадцати лет ее церковной жизни муж надумал вернуться. У нее и у сына – шок. Услышав слова из доклада о том, что у нее есть какая-то степень ответственности за мужа, она сначала возмутилась: за тридцать лет совместной жизни накопилось столько этой ответственности, что уже не хочется никакой! И вдруг – мысль: а как же то живое, что, возможно, есть в муже? Как же общение с ним?

Стало понятно, что ее умозрительные схемы разрушены, а отношения с мужем требуют анализа. Но не было в ней того ужаса, агрессии и раздражения, которые сопровождали когда-то ее семейную жизнь. В настоящее время муж продолжает пить, но у нее есть силы разговаривать с ним. Значит, Господь действует, и нужно искать в муже позитив, о котором говорилось в обсуждении темы пустоты. Тем более что и муж за эти годы изменился: не пьет при них, не позволяет себе входить в какие-то конфликтные ситуации, старается жить мирно... Значит, из уюта семейной жизни надо выходить, не поддаваясь унынию, благодарить Господа за появление творческого восприятия жизни и просить мужества – будет трудно...

У другой сестры муж ушел на двенадцать лет и запил. Потом вернулся и предложил: «Давай исправлять ошибки». Эта работа над ошибками растянулась надолго.

Муж пошел оглашаться, потом остановился. А сестра вспоминала слова отца Павла Алексахина, который говорил о подобной ситуации, как он сам тогда рассуждал: «Ну, ладно, если Бога нет, а если есть?» Затем муж все-таки пошел на краткое оглашение, но сидел молча. Прошел его, но иногда выпивал. А в последнее время уже довольно долго не пьет. Жизнь с ним идет медленно и трудно. Сейчас он в группе входящей в одно из малых православных братств. Бросил курить. Много времени уделяет молитве. Творчески развивать свои отношения с ним – такую задачу поставила сестра на ближайшее время.

Зависимый может быть закодированным, ходить в семейный клуб трезвости, быть на оглашении, сорваться с него, сделать свой выбор в пользу пьянства. Но если есть с ним живые связи, то и через много лет это может помочь ему выбраться из тьмы.

Отношение поручителя к зависимому, который решил прийти на оглашение, должно быть трезвенным. Если он в день огласительной встречи не употреблял алкоголь, то это и есть тот живой росток надежды, о котором говорилось в докладе.

Но можно выдержать, а потом скатиться в состояние опьянения, в котором он не тот, с кем можно общаться, говорить о Боге, о покаянии... Тем не менее, христианину нужна гибкость, чтобы не принуждать зависимого к исполнению сухого закона, к которому тот, быть может, не готов. Ему самому должно стать ясно, что надо прекращать пить, иначе будет плохо.

Но нельзя к такому зависимому относиться беспощадно. Надо его принять и сопереживать его болезни вместе с ним. Не «болеть» самому, не танцевать вокруг него, как иной поручитель, а трезвенно смотреть на то, как он проходит процесс оглашения, как себя ведет, что при этом делает, советоваться с катехизатором, его помощниками, спрашивать, злоупотребляет ли он их доверием или старается, но у него не получается.

Если же он сможет закончить оглашение, войдет в церковную общину, в братство, то ему надо осознавать, что проблема осталась, и он не может сказать, что освободился от нее. Если он потом сорвется, то ответ один: православная традиция сильна надеждой на то, что человек все-таки может измениться, его можно потерпеть, пока у него есть желание и пока он борется с собой.

Выход из «треугольника»

Члены братства «Трезвение» (БТр), живущие в Коломне, собрались, чтобы обменять личный опыт несения обетов и свидетельствовать о Божьем действии по отношению к членам церковных людей.

Отношения с зависимыми родственниками у многих из этой группы БТр действительно сложные. Как действовать? Что предпринимать? Вспомнили о методике психологов, которую те называют «треугольником Карпмана» (см.: http://www.psychologos.ru/articles/view/treugolnik_karpmana). По ней родственник в зависимости от ситуации использует в семье те или иные роли – жертвы, спасателя или палача. Психологи предлагают разрушить эту установку, помочь перестроиться на другой «треугольник», в котором он переключается на позитивное поведение ученика, а не жертвы; помощника, а не спасателя; учителя, а не палача. Соответственно – и общаться с зависимым советуют по-другому.

Но для члена братства «Трезвение» это «по-другому» связано с евангельским смыслом. Разговаривать как ученик – означает трезвенно отвечать на постоянно меняющиеся ситуации, в которых общаться, кажется, невозможно. Как помощник – значит, соблюдать границы в своих отношениях с зависимым человеком. А как учитель – значит, возрастать «в мужа совершенного, в меру полного возраста Христова» (Еф 4:13). Обсуждение этой методики привело братьев и сестер коломенской группы к выводу, что необходимо творчески помогать пьющему, утверждаясь вместе с ним, по слову А. С. Пушкина, в «самостоянии человека». И нужно очень постараться, чтобы вместо псевдоотношений образовались истинные связи любви.

Эту проблему трудно разрешить без достижения двух вещей – возрастания в несении обетов трезвения и утверждения в собственных границах. Если границы размыты, то и личная ответственность размыта, а в этом случае освобождение родственника или друга от роли жертвы (спасателя, палача) идет трудно, если не буксует. Но возрастать в несении обетов – значит обогащаться опытом святых отцов, а также опытом братьев и сестер и своим собственным, делясь личными открытиями.

Важна и молитва членов БТр как за зависимых, так и друг за друга. По молитве взаимоотношения между родителями (один из которых – зависимый) могут измениться к лучшему. Они могут начать по-доброму разговаривать друг с другом, в чем-то помогать один другому, в семью может вернуться доверие, а затем возникнуть общение.

Но давать аванс доверия тому, кто зависит от алкоголя, труднее всего. Это может получиться, только если начинать с попытки изменить самого себя, а не пытаться изменять своих ближних. Во время этого процесса, помимо всего прочего, оказывается, легко говорить грубые слова и трудно – ласковые... Каков же выход из «треугольника Карпмана»?

Нужно от игры и манипуляций обратиться к настоящим вещам – доверию и искренности, как бы это трудно ни было. Доверие и искренность – вещи внутренние,

они связаны не столько с внешними действиями христианской жизни, сколько с мотивами и намерениями. И в отношении христианина с зависимым эти вещи приходят непросто.

Послесловие. Уже после этой встречи братья и сестры из БТр продолжили разговор на своем общем собрании. Действительно, общаться с зависимым человеком трудно, порой невозможно, а чаще всего просто не хочется. Но чем меньше христианин атомизирован, тем больше у него попыток построить отношения на доверии.

Одна сестра поделилась тем, что, выпив, близкий родственник предлагает ей послушать песню, слова которой, как ему кажется, имеют глубокий смысл. Ей же хочется дождаться, пока он придет в нормальное состояние, а потом уже слушать. В итоге у них ничего не получается, а родственник замыкается... Значит, нужна ответственность за общение с ним, чтобы за его замкнутостью или агрессией увидеть того «внутреннего человека», который ищет всего подлинного, но в реальности может нанести боль, которую еще надо выдержать. Не должно быть предвзятости по отношению к пьющему, а она возникает из-за внутренней закрытости от Бога и человека, что всегда грех.

Архиепископ Сергей (Королев) говорил, что общение бывает возможным, когда христианин подставляет себя под удар, рискует быть израненным. А протоиерей Павел Адельгейм, исходя из проблем конкретного человека, разговаривал с ним так, что общение не разрушалось, но на церковные темы никогда не начинал говорить первым, ждал, пока собеседник задаст ему вопрос. В наследии исповедников веры XX века есть многое из того, что помогает обрести опыт общения с человеком страдающим.

Осмысленно проживать каждый день

Что говорит нам святоотеческое предание относительно попечения о зависимом человеке, родном нам по плоти? Наблюдения святых отцов касаются как страстей и мыслей, так и опыта противодействия им. Но сложно размышлять об этом христианину, если он находится внутри ситуации с пьющим и тесно с ним связан. Чтобы встать над ситуацией, надо потрудиться, и потрудиться немало.

В «Добротолюбии» раскрыта, например, мысль о терпении скорбей. Исходя из нее, нетрезвенно настраивать себя на то, что, мол, рано или поздно проблема с пьющим закончится и все будет нормально. Проблемы с ним будут всегда. Просто они будут меняться, а сами ситуации отличаться в деталях. Вдобавок ко всему тяга к пьянству может уходить внешним образом, а внутри зависимый человек будет оставаться прежним. Христианину надо суметь «смириться под крепкую руку Божию» (1 Пет 5:6), но не плыть по течению, а работать над собой. Тогда многое ему станет по плечу. Но тогда – это когда?

Тогда, когда зависимый колышется в любых обстоятельствах, как тростинка, а христианин, сопрягающий свою жизнь с его жизнью, способен устоять в вере и охранить в себе мир Христов. В этом и будет его подражание Христу, его мирное и непримиримое противление очередным проблемам со всеми вытекающими из них ситуациями. Любая из них, если начинать с себя, спрашивать с себя, а не с другого, – никогда не будет патовой.

Авва Петр говорил, ссылаясь на опыт блаженного аввы Исайи, что когда придет помысел осудить ближнего, то надо вспомнить про свои грехи, которых больше, чем у ближнего, и не заблуждаться, считая, что ты никого и никогда не уязвлял. Во многих текстах «Добротолюбия» предлагается заниматься своими грехами, добиваясь бесстрастия, – ради полноценных отношений с братом во Христе. Но в то же время говорится, что если брат постучался в келью, то ему надо открыть, даже если живущий там занят важными делами. Вот эту открытость важно иметь в виду человеку XXI века.

«Добротолюбие» помогает разобраться в себе, трезвенно выстроить границы личного пространства и обрести свободу «от» ради свободы «для». В подготовке к исповеди найдется место для признания неразумия, ложной уверенности в своей уникальности, замешанной на саможалении; для признания своего увлечения фантазиями, подогреваемыми какой-либо страстью, например, упрямством. Не случайно в ектении братства «Трезвение» включено прошение об очищении членов братства и их близких от темного духа нетрезвенности, упрямства и нераскаянности.

В духовном наследии святых отцов говорится также о том, что если кто перенесет искушение с терпением и смирением, то оно для него пройдет без вреда. Если же он будет малодушествовать, смущаться, сравнивать свое состояние с чьим-либо, то это его только отяготит. Отяготит не потому, что кто-то рядом пьет, а потому, что не хватит терпения, смирения, мужества и твердости в вере.

Но не стоит настраивать себя на поражение, развивать в других членах семьи низкую самооценку, поддерживать в них состояние беспомощности. Есть иное,

ведущее вперед и вверх, эсхатологическое напряжение жизни, когда человек знает, зачем живет и куда движется, когда он твердо настроен на обретение своего призвания в жизни через церковь. Тогда самооценка уже не важна. Куда важнее вникать в себя, сосредотачиваться на перспективе, знать, куда идти и что в себе направлять, взирая на Христа, беря пример с Его твердости и крепости в исполнении воли Отца Небесного, вопреки клевете, одиночеству и каким-то психологическим провокациям. Вот почему, кроме молитвенной помощи, духовные усилия членов братства направлены на помощь друг другу в том, чтобы добиваться ясности в смыслах проживаемых дней, в том, что в них ложно, а что подлинно.

Бердяев называл такой труд выходом человека из рабства у самого себя – из самой тяжелой формы рабства. Трудно увидеть эту порабощенность в себе, особенно когда она долго не выявляется. Зависимый живет своей жизнью, христианин – церковной. Но в тяжелой жизненной ситуации к христианину тоже может прийти ужас и страх. И трудно бывает осознать, что это – от раздвоенности. Бердяев пишет, что разорванный на части человек легко поддается аффекту страха. Без покаяния и Божьей помощи христианину трудно обрести целостность жизни, трудно через опыт падений и вставаний становиться личностью, творчески относиться к жизни. Но ответить на внутреннюю разорванность зависимого можно только так.

Трезвенное отношение к духовному наследию святых отцов заключается в том, чтобы брать из него хотя бы то, что вместили, и благодарить. Опыт христиан XX века, включивший в себя духовное наследие Н. А. Бердяева, матери Марии (Скобцовой), новомучеников и исповедников Российских, нам ближе. Он помогает спросить себя не о том, почему происходит беда, а для чего она, помогает не ставить себя в положение жертвы, которая ничего не может. Оказалось, что христианин может войти в мистику человекообщения и выдержать свою боль. Личность – это боль, как писал Бердяев. И так же, как и в прошлом предстоит не только искать и находить свое призвание, но и трезвенно сострадать пьющему. Тогда привязанность к нему не будет тяготить.

Сужая свой путь, нельзя не обращаться к советам отцов церкви. Например: хочешь победить страсть, обуздавай тело. Но главное – осмысленно проживай каждый день.

III. От несения обетов – к служению через общение

Воскрешение Лазаря. Современная икона.

Необычный угол зрения

На собрании братства «Трезвение» обсуждался доклад Евгении Парфеновой «Служение Богу и людям как путь преодоления созависимости и наше ходатайство за зависимых родных (по материалам работ Лидии Крошкиной о духовном наследии матери Марии (Скобцовой))»³. Это духовное наследие помогает лучше разобраться в том, что победа над нетрезвостью по отношению к зависимому человеку дает свободу для служения Богу и ближним. Не свободу от близкого человека, «страдающего запоем»⁴, а свободу от греха. Путь обретения такой свободы имеет два важнейших вектора: материнский как путь сострадания, со-переживания и сыновний как путь ответственности за чужой грех. Его принимает сердце, жаждущее Божьего милосердия – того богатства, которое надлежит расточать. А расточая, трезвенно различать со-чувствие (со-переживание, со-страдание) и теплохладное фарисейство. Не подменять Божьего действия своеволием. Не поддаваться искушениям, а сознавать, что несение креста невозможно без церковного соборного начала. Без общения во Христе.

Обсуждая тему искушений в несении своего креста, мы задавались вопросами: может ли быть страдание зависимого его крестом? Страдает ли он от внешних непреодолимых обстоятельств или от личных грехов, по слову святителя Феофана Затворника в «Трех словах о несении Креста»⁵? Все-таки крест связан с жизнью по воле Божьей, со страданием по исполнению своего призвания. Можно ли уравнивать Голгофу, на которую восшел Христос, неся страдания за грехи мира, с крестом человека зависимого? Нам вспоминается один из разбойников – распятый, страдающий и открывший Ему свое грешное сердце. Но до креста своего призвания можно не дойти, оставаясь в страданиях от своих грехов и несчастий.

Необычный угол зрения матери Марии исходит из ее личного опыта, по которому любой ближний, рассчитывающий на все твоё внимание, тем самым рассчитывает на всего тебя – и никак не меньше. А все, что меньше, может оказаться недейственным, не способствующим выпрямлению человека. Надо, говорит она, не прятаться за мысль, что происходящее есть следствие греха этого человека, его дурного воспитания, давления среды и т. д., а взять на себя все его обстоятельства. Это и есть крест.

Такой подход матери Марии для нас сложен. Ведь и за себя-то трудно бывает взять ответственность, тем более – за другого... Но даже и взявшись, легче при-

³ Доклад Л. В. Крошкиной «Мать Мария (Скобцова) о путях христианского служения» см. на сайте Преображенского братства <http://psmb.ru>.

⁴ «Страдать запоем» – выражение из проповеди архим. Сергия (Савельева) («Слово о страдании и сострадании»). Он говорил о том, что своего близкого человека нельзя называть пьяницей. См.: Сергий (Савельев), архим. Проповеди. В 4-х тт. Том I. М.: Московский писатель, 1998. С. 51.

⁵ «Крестов много, но видов их три: первый вид – кресты внешние, слагающиеся из скорбей и бед и вообще из горькой участи земного пребывания; второй – кресты внутренние, рождающиеся из борьбы со страстями и похотями ради добродетели; третий – кресты духовно-благодатные, возлагаемые совершенною преданностию в волю Божию». См.: Феофан Затворник, свт. Три слова о несении креста. М.: Православное братство «Споручницы грешных», 1996. С. 4.

выдвигать усилия, обращенные на себя, чем страдать другому, отвечать за него. Хочет избежать от перспективы стоять у креста мук. А в понимании матери Марии – иди путем своего призвания, но и сострадай кресту зависимого. В этом смысле – будь рядом с крестом разбойника, страдавшего по своим грехам, как был рядом с ним Христос Распятый. Другое дело – осознает ли сам зависимый то, что с ним происходит, называет ли это болезнью или грехом, верит ли Христу. Если да, то он человек верующий, который несет свой крест как и тот разбойник, воскликнувший: «Помяни меня, Господи, во Царствии Твоем». И Господь приходит к нему легко, и ближние надеются теперь вместе с ним. Если же несение креста не осознается, то неверующий в этом неприятии духа доходит до предела. Нам от этого не легче, а тяжелее! И принимать крест зависимого труднее.

Но мать Мария не делила людей на верующих и неверующих, а делила на страдающих и нестрадающих. Если страдающий, то ты – мой брат, мой сын, а я – твоя сестра, твоя мать, твой помощник. Я все готова отдать для тебя. К такому плодотворному служению мать Мария шла всю жизнь. Ее жизнь была пронизана сострадательной любовью, благодаря чему она и прорвалась на такую высоту служения, на которую нам и смотреть-то больно, не то что взлететь. Многие ее не понимали, судили на уровне своего восприятия. Вот она в пять утра приходит на базар, собирает в мешок ошметки рыбы, не проданной за день, тащит на себе. Мешок протекает, ее ряса пахнет затхлой рыбой. Но она приносит ее в каморку, вываливает в котел и варит, чтобы накормить голодных и безденежных. Вот это аскетика любви!

Для многих такая аскетика искустельна. Может быть, поэтому сейчас из образа матери Марии начинают делать благостную картинку, забывая, что у каждого святого, будь то преподобный Сергий или святитель Филарет, есть свои «шипы», свои отношения с Богом и людьми, своя специфика борьбы с грехами. Забывая, что путь человека к Господу не прямой, не восходящий, как вавилонский зиккурат, все выше и выше. На «зигзагах» этого пути мы сталкиваемся с вызовами, болезнями, болячками – в общем, с грубыми проблемами, которые эстетически-совершенно не решить. Впрочем, как и все проблемы...

Свойственны ли состраданию какие-то расчеты? У этого слова много оттенков. Сострадание бывает в полноте и не в полноте, время от времени и отчасти. А бывает бесчувствие, когда человек называет себя верующим и не сострадает, не сочувствует, а носит в себе теплохладное фарисейство. Все же если человек начинает сострадать хотя бы отчасти, то это уже происходит во славу Божию. Но надо понимать, что рядом с матерью Марией такое сострадание отчасти выглядит бледно. Вообще, находиться рядом со святыми всегда непросто...

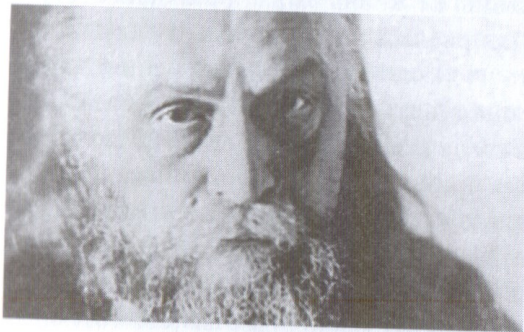

мать Мария (Скобцова)

В этом смысле чем мы, христиане, отличаемся от людей неверующих, которые так же ездят в хосписы, дома инвалидов, престарелых и в реабилитационные центры с концертами и подарками? Что такое поездка именно христиан к таким людям? В чем заключается наше сострадание к ним?

Есть природное свойство сострадания, традиционно передающееся из поколения в поколение. Его мы и поддерживаем по мере сил. Но есть и дар сострадания, который дается Господом. Он дал Матери сострадание и силы, чтобы стоять у Креста. Просить ли нам у Господа этого дара сострадания? Потому что если просить, то значит, мы согласны так же как мать Мария взваливать на себя мешок, дурно пахнущий рыбой, и идти мимо людей, которые будут о нас говорить как о сумасшедших. Увы, без принятия такого дара сострадания невозможно подлинное свидетельство о Боге, вере, Церкви. Если родители не сострадают, то и дети не наберутся этого сострадания, не примут его и не выйдут на жатву Господню, на возвешение Его Благой вести.

Задевают слова протоиерея Сергия Булгакова и архимандрита Сергия (Савельева), которые писали, что сострадать может только тот, кто сам прошел через страдание. Общаюсь с немощными, невольно входишь в пространство, в котором Господь приоткрывает тайну страдания другого. И что-то меняется в понимании мира и людей, в осознании своего причастия к их страданиям. И Господь открывает тебе нечто такое, чем можно делиться с другими страдающими, быть может, помогая им сделать шаг вперед. А если этого опыта нет и поделиться нечем, то никакие правильные слова не помогут.

протоиерей Сергий Булгаков

архимандрит Сергий (Савельев)

Но на этом пути есть опасность работать на себя, не замечая в себе духа тщеславия. Или замечая и вроде бы останавливаясь, продолжать действовать в ситуации, когда нос вытащил – хвост увяз, хвост вытащил – нос увяз. А надо смиряться. Иначе все повторится, только на смену тщеславию придет дух лжесмирения, когда говоришь: «О, я смирился, теперь я понял, что раньше не смирялся, а теперь знаю, что такое смирение!» Можно прочесть про мать Марию и загореться: «О, мы теперь все поняли, мы теперь знаем, как надо сострадать!» Но будет плохо кинуться в эту сторону и потерять дух трезвения.

Страдающих людей много. Более того – все страдают. Но одно дело – отношение к немощным в домах инвалидов и престарелых, к бомжам, и другое – ответственность

к близким зависимых. В первом случае – это проблема самоукорения. Во втором – возможность поддержать зависимого человека, когда он у опасной черты. А что выбрать – напрямую связано с нашей ответственностью за то, к чему мы призваны. Иначе можно и одно потерять, и другое не приобрести.

Разделять страдание с зависимым – это всегда труд. Он начинается с ответственности и за свою, и за его жизнь. Вспомните картину Рембрандта «Возвращение блудного сына». Отец и сын на его лоне – едины, и это уже церковь. Церковь, которая в лице отца прощает и готова к воскрешению заблудшего. Так всякий раз воскресает в сердце нашем Христос, когда мы помним о Нем и Его церкви.

На церковном пути нет необходимости копировать опыт матери Марии, ведь от Господа дары у всех разные. Но нужно трезвенно разделять жизнь с зависимым, не впадая в его и свои грехи и не упражняясь механически в добродетели. Качество отношений с ним и степень его исцеления зависят от того, как происходит наше возрастание в независимости от греха и в причастности Христовой любви, которую Он явил к человеку.

Методика здесь не годится

Во второй части доклада Евгении Парфеновой говорится о «полноте крестополнения» и о «полноте мечей», и эта «полнота» предполагает принятие «сил сверхъестественных», а не опоры на «силы естественные». Для матери Марии (Скобцовой) служитель, христианин, инок, монах, святой – понятия одного порядка. Служащий – тот, кто трудится не на своей ниве, не свое дело делает, но дело Божие делает своим, выполняет Его волю. Так и по отношению к зависимым родным мы призваны не впадать в теплохладное фарисейство, а, пребывая в Его творческой воле, трудиться на пути трезвения. Не «прилипать» к ситуациям с зависимым, а в своей внутренней свободе прилепиться к Богу и исполнять Его волю.

Мать Мария называет несколько условий, необходимых для этого. Первое – через общение уйти от себя, от своего «я», иначе наше «я» так и будет потребительским – непреображенным и неспособным к общению, выбирающим мир, а не христианское служение. Второе – жертвенная самоотдача, которая является основанием для жалости, кеносис или самоумаление, отсутствие бережения своего «я» и полное истощение себя, в отличие от мирского, которое «себя миру не отдает». Мать Мария передает дух и смысл жалостливой любви ко всему творению через образ огненных крыльев, делающих нас крылатыми и открывающих нам дар свободы во Христе. Она называет этот образ «опустошительным» и «тяжелокрылым».

Христианскому служению способствует принятие двух обетов – духовной нищеты (самоотдачи) и принятия подвига, где подвиг – это не борьба с плотью, а несение груза чужого греха.

Все это ставит перед нами проблему духовного потребительства в церковной жизни и эгоизма в общении с зависимыми родными, выход из которой – в следовании евангельскому «блаженнее давать, нежели принимать» (Деян 20:35). А также проблему мирского желания, когда мы хотим, чтобы зависимый перестал пить ради нас, а не ради себя. Выход – в принятии креста сострадания, что предполагает серьезное духовное усилие, невозможное без Бога и поддержки единомышленников.

Когда сталкиваешься с реальной жизнью святых, особенно близких нам по времени, возникает много вопросов. Ведь святые не дают нам методiku служения. Они словно говорят: «Делай как я, будь как я! Принимай ситуацию на себя и отвечай!» А мы: «Благодарю, а рецепт не подскажете?» Они в ответ: «Это и есть рецепт: жертвовать, не отрекаться, а преображать; общаться, а не отделяться; предать себя полностью в волю Бога Отца...» Мы оказываемся перед такой реальностью, которая трезвит, потому что показывает проблему во всей полноте.

Но как мы, не имея такой яркой биографии, как у матери Марии, можем включить в свою жизнь ее опыт служения? Ведь она из семьи, члены которой многого достигли в культуре и общественном служении. Да и она была человеком одаренным, образованным: гимназия с серебряной медалью, Бестужевские курсы, Духовная академия; эмиграция, постриг, служение в годы Соппротивления, Равенсбрюк... Невероятной силы человек. И все же она вновь и вновь повторяет: «Нет, так, как я,

покалуйста, и никак не меньше!» И от этого почему-то становится легче, веселее, и появляются ответные вопросы и размышления.

Может ли отказ от спиртного рассматриваться как жертва, и если да, то в каких случаях? Например, если община для большей полноты церковных отношений отказывается от спиртного, тем самым ходатайствуя за страну, в которой мы живем? С другой стороны, жертва – это когда всерьез что-то отрываешь от своего «я». А чем таким особенным жертвует непьющий? Наоборот, он приобретает свободу во Христе и возможность для ходатайства. Или это все же жертва? Когда жертвуешь одним ради другого – жертвуешь потерей определенного восприятия мира, противостояшь смурядинового мира – непознанного, но свободного. Более того, зависимому (и тому, кто участвует в жизни зависимого) надо быть готовым к решению новых проблем, открывающихся вместе с болезнями и привычками. Скорее всего, это все не жертва, а переход к трезвению, когда испытываешь постоянный дискомфорт.

Это узкий путь против себя, по слову протоиерея Павла Алексахина, а точнее, не против себя самого, чтобы не истреблять себя как Божье творение, иначе к одному греху приложится другой, а за личность, за ее достоинство. Трезвение и заключается в различении этих вещей, пусть трудном, порой даже болезненном, иначе это род духовного пьянства.

Были во время обсуждения и те, кто рассказывал свою историю. По одной из них отец и дед христианина были зависимыми, из-за этого ушли из жизни, тогда-то этот человек и пошел в братство «Трезвение», чтобы трезвенно помнить об ушедших близких.

Многие говорили о том, что трезвение – в понимании того, где человеку важно быть сейчас: дома, где зависимые и переживающие за них родственники, или в церковном сообществе. Нет никаких рекомендаций, нет никаких жестких правил, что выбирать и как поступать, – есть только Божья воля, в которую мы входим или не входим, есть ее непрестанное вопрошание и искание, на которое следует Его ответ: когда одно оставляется ради чего-то более важного. Ведь человеческая жизнь зависит от Бога, и в то время как зависимый связан с источником «допинга», а его родня пытается воздействовать на него, христианин призван к трезвенному пониманию ситуации.

Нельзя отказаться от ответственности за зависимого родственника, идя церковным путем. Но нельзя и не искать волю Божью, чтобы не быть поглощенным этой ситуацией. Если идти этим путем, появляется внутренняя свобода, творческий взгляд, полный новизны на эту ситуацию, и надежда на добрые плоды для всех.

В этом творческом общении с зависимым (или с его родственниками) подчас не хватает мужества, чтобы преображать наше общение с кем-либо. Оно необходимо, особенно там, где надо трезвенно различать самость и достоинство. Зависимый может позволить себе сказать нехорошее слово в отношении христианина, а тот в ответ – достойно промолчать, а когда-то, в зависимости от ситуации, и остановить. Важно просить Господа о даровании мужества и о научении, как в мирном духе держать эти границы. Это поистине творческое и молитвенное дело, в результате которого у зависимого могут даже появиться слезы, и нужно тактично промолчать,

отдать эту ситуацию Богу. Тогда может прийти какое-то потепление в отношениях... Но рассматривать, что получилось, а что нет, надо уже после самой ситуации, пребывая же в ней – поступать просто и не бояться ошибок.

Здесь не будет мгновенного улучшения. Это как все время ходить по водам, не час или два в день. Мать Мария говорит: «Надо ходить все время!» – потому что нигде нет почвы твердой и спасает только вера, хождение в ее духе и смысле. Это как «крест-меч», которого, по матери Марии, надо искать. «Меч» – сострадание к другому человеку, постоянное творческое усилие к созиданию общения с ним и стремление лучше понять его. Если «меч» не действует и ничего не меняется, нельзя сидеть и бездействовать – молись, ходатайствуй и говори Господу, что ты готов к общению с зависимым (или с его родственником). Будь внутренне настроен изменить свое мироощущение – не для того, чтобы разбираться в ситуациях, которые к тебе приходят, а чтобы творчески всматриваться в мир и искать возможность для христианского служения. Нужно трезвенно реагировать в себе на опасность потребительства, действовать не по логике этого мира, а мистическим образом, по логике небесной, опираясь на Господа по вере. Чтобы творчески искать «креста-меча», стоит вспоминать быль про Илью Муромца, который стоял перед распутьем: или коня потеряешь, или жену, или убит будешь. Тогда и ответственность христианина понимается так: не могу ни за коня, ни за жену поручиться и располагать ими, но могу располагать собой и сделать то, что по воле Божьей.

Были и такие моменты в обсуждении доклада, когда исследовалось слово «зависимость». Зависеть от каких-то отношений в семье, от отношений с детьми – не так уж плохо. Плохо, когда в этих отношениях возникают проблемы, тогда их необходимо решать, наполнять общение каким-то позитивным смыслом. Именно общение наполняет смыслом бытие другого и дает возможность во взаимодействии с ним увидеть новую глубину и новый характер отношений. То же происходит и с нами, когда мы трезвенно выбираем, в какое дело включиться, какому отдать предпочтение. Тогда незримо для нас меняется качество нашей жизни...

В житии двух святых – Филарета Милостивого и преподобной Марины – мы остановились на евангельском смысле человеческой жизни, в которой есть место и смирению, и кротости. Только такое смиренное и кроткое отношение к миру и человеку действительно может что-то изменить. Об этом говорит нам образ святой Марины, которая была оболгана и обвинена в смертном грехе соращения, но не отказалась нести последствия этой клеветы, пытаясь того человека, который ее обвинил, выставить в лучшем свете; и ситуация разрешилась только через много лет. Вещи такого рода трудно объяснить рационально, и стоит перечитывать этот патерик, чтобы творчески, по-новому увидеть взаимоотношения человека с человеком, а не только человека с Богом. Увидеть особое качество милости по отношению к другому, особенно к ребенку, чтобы не стал он безвинной жертвой. Для этого надо иметь такую бесконечную любовь, которая преодолевает все и которая была у святой Марины.

А вот Филарет Милостивый раздал все что имел, кроме коровы с теленком, потом отдал и корову. А когда жена стала ему выговаривать, он ей ответил, что

теленка тоже надо отдать. Нужно трезвенно понимать, что он все раздал, потому что полюбил, а не наоборот, не унывать и не делать из этого методичку. Да, примеры великих святых, описанных матерью Марией в «Жатве Духа», как укол в наше сердце, чтобы мы поняли, что так, к сожалению, жить не можем, хотя, в принципе, должны бы.

Когда-то, говоря на эту тему, митрополит Сурожский Антоний ссылаясь на слова Леона Блуа: «Единственная в этом мире печаль – это печаль не быть святым». Мать Мария же чувствовала себя в мире абсолютно органично, без уныния. Она могла на словах позволить себе какую-то жалобу: «Как плохо, я умираю, жить не могу, сил нет, дышать нечем, живу под лестницей, там крыса, спать некогда, приходится варить то, что приносишь с утра. Это невозможно!» – и в то же время, что называется, левой рукой писать стихи, правой – вышивать, а еще писать богословские трактаты, и все успевать. Ну вот, такая была жизнь! Но нас трезвит эта реальность – и мы вдруг, в какой-то момент научаемся хотя бы кого-то не осудить...

«Крест-меч» – странное выражение, но его смысл в том, чтобы воспротивиться подсознательному желанию защитить свою жизнь, облагородить ее с Божьей помощью, сделать красивой, размеренной, духовной, чтобы все было в меру. «Крест-меч»? – «Господи, благодарю Тебя не за помощь и спасение, а за то, что открыл глаза через этот укол». Методика здесь не годится: «За все Бога благодари: больно – благодари; плохо, родственник запил – благодари», – такая методика искажает ситуацию, в которой надо бы делать что можешь, а когда придешь в себя, тогда поблагодари, но смотри по результатам: кайся и исправляйся по ходу дела. Да, это некрасиво: исправляться по ходу дела, – но через это тоже надо пройти. Вот он, «крест-меч», который не дает тебе ни секунды успокоенности – только хождение по водам...

Встал вопрос и о несении чужого греха. Здесь нам тоже помогло рассмотрение этих житий. Если принимаешь на себя чужой грех, это значит – принимаешь на себя и все последствия. Реальность жизни в том, что ты рискуешь. А красиво только в житии получается, на самом деле все бывает очень некрасиво.

Трезвение и состоит в том, чтобы, с одной стороны, не брать на себя лишнего, но, с другой, – брать все-таки что-то на себя, в свою меру, для чего смотреть, на что уходит время, советоваться. Для этого тоже нужно мужество, не похожее на понимание мужества светскими людьми. Для нас Богородица являет пример мужества, как Она все слагала в сердце своем. В служении важен вопрос меры, на практике, в жизни. Это как постоянное вопрошание к Богу и о своей мере, и о том, как эту меру увеличивать, чтобы было по-Божески, не останавливаясь, вставать и подниматься после падений. Можно многое делать, но эта всецелая, кажется, жертва, будет напрасной, потому что, как говорил преподобный Серафим Саровский, не будет вести к стяжанию Духа, к любви ради Бога и человека.

Стихотворение матери Марии⁶

(из цикла «Ожидание»)

За этот день, за каждый день ответчу, –
За каждую негаданную встречу, –
За мысль и необдуманную речь,
За то, что душу засоряю пылью
И что никак я не расправлю крылья,
Не выпрямлю усталых этих плеч.

За царский путь и за тропу пастушью,
Но, главное, – за дани малодушью,
За то, что не иду я по воде,
Не думая о глубине подводной,
С душой такой крылатой и свободной,
Не преданной обиде и беде.

О, Боже, сжался над Твоею дочерью!
Не дай над сердцем власти малOVERью.
Ты мне велел – не думая, иду.
И будет мне по слову и по вере
В конце пути такой спокойный берег
И отдых радостный в Твоем саду.

21 августа 1933 г.

Послесловие психолога

Наталья Никулина

Наталья Никулина

Тема созависимости в контексте трезвения очень непроста. Сложность в том, что созависимость имеет чисто психологическое содержание. Это явление исследовали психологи как проявление душевной жизни человека и разработали методы лечения в рамках науки о психике, не затрагивая духовную сферу. Но человек, по учению Церкви (1 Фес 5:23), существо телесное, душевное и духовное. Не стоит игнорировать знания о его психике, но и недостаточно смотреть на него как на существо духовное, игнорируя его душевную природу. Где должна проходить линия соприкосновения этих двух сфер, какое у них взаимовлияние, как в этом вопросе удержаться от фантазий, благопожеланий, безапелляционных суждений или фатальной безысходности?

В течение нескольких лет мы в братстве «Трезвение» обсуждали разные темы, сопоставляя два взгляда на созависимость: с позиций опыта духовной жизни, прежде всего, святоотеческого, и с позиций психологии. Например, говоря о теме сострадания, мы задавались вопросом, каково подлинное христианское сострадание и чем оно отличается от сострадания созависимого человека. Мы не можем дать готовых ответов, но хотим поделиться своими находками, мыслями, которые у нас рождались, тем, чем мы сами вдохновлялись.

Взгляд на зависимость одновременно с двух точек зрения – душевной и духовной – новый подход к этой проблеме в современном мире. Пытаться сказать в этой области что-то свое и ответственно, и очень трудно. Поэтому, предлагая вниманию читателя наши размышления, мы приглашаем всех к дальнейшему обсуждению темы.

⁶ Кузьмина-Караваева Е. Ю. Равнина русская: Стихотворения и поэмы. Пьесы-мистерии. Художественная и автобиографическая проза. Письма. СПб.: Искусство, 2001. С. 179–180.